

Глава 30. Цзяннаньская туманная тропа — лишь былые думы

После ухода Чун Дая Фу Исянь пребывал в глубоком смятении. Он неподвижно сидел у стола, уставившись на две половинки сломанного веера. Мысли его путались. Эта встреча разительно отличалась от той, давней, в ресторане «Взлет Процветания». Тогда, расставаясь, они не сдерживали слез, не в силах преодолеть взаимную привязанность. Теперь же сломанный веер перечеркнул их прошлое, в одно мгновение превратив некогда близких людей в чужаков.

Стоило вспомнить брошенные Чун Даем напоследок слова: «Нам больше не по пути», как Фу Исянь ощутил опустошение и давящую слабость.

Мало кто мог по-настоящему понять его чувства к Чун Даю. Пусть сейчас, как верно заметил тот, он душой и телом принадлежал Чун И, между ними с Чун Даем всегда существовало бесценное единодушие. От беззаботных скитаний до службы при дворе он никогда ничего не скрывал от друга, а Чун Дай платил ему безграничной нежностью и заботой. Увы, ни эта искренность, ни теплота не уберегли их связь. Они даже не смогли остаться попутчиками. Чем больше отдаешь, тем глубже рана.

На душе у обоих было одинаково тяжело. И хотя они прекрасно понимали друг друга, смириться с неизбежным оказалось невыносимо.

Подаренный Чун Даем веер Фу Исянь берег как сокровище. Три года он не расставался с ним ни на миг. Сколько раз Чун И устраивал сцены, требуя избавиться от подарка, но Исянь оставался непреклонен. Кто бы мог подумать, что веер погибнет от рук самого же дарителя.

Исянь поднялся, подобрал с пола обломки веера и бережно положил их на стол. Затем он повернулся к постели, бросил взгляд на шелковый шнур и тихо вздохнул.

«Когда-то Цзыхоу спросил меня, зачем я согласился войти в императорский дворец. Похоже, уже тогда он понимал, что наши пути разойдутся. Увидев сегодня эту яшму, он наверняка посчитал меня порочным. Что ж, быть мужчиной и служить государю в качестве фаворита, сознательно переступая через приличия, — действительно малодушие с моей стороны. Но, Цзыхоу, я такой же, как ты. Нам обоим не вырваться из сетей чувств. Тебе стоило давно отпустить меня: вокруг столько прекрасных женщин, но ты упорно цепляешься за меня. Так неужели ты не понимаешь, почему я так же упорно держусь за него?»

Размышляя об этом, он завязал шнур на поясе. Он провел пальцами по гладкой поверхности трехцветной яшмы, и мысли снова вернулись к Чун И.

«К сожалению, нас разделяет пропасть между монархом и подданным. К тому же весной прошлого года он приблизил к себе наложницу Жун и наложницу Чжао. Он — великий Сын Неба, а я лишь один из его подданных, склоняющих перед ним голову. Глупо надеяться на что-то большее. Мой приезд на заставу Медной Горы подобен искуплению. Если удастся отбросить бэйдя, я смогу считать, что не зря дал когда-то обещание императору. Тогда я со спокойной душой сложу полномочия, оставлю позади все обиды и вернусь к прежней беззаботной жизни.

И это будет лучшим способом не предать память о Цзыхоу».

От этих мыслей на душе стало немного легче. По природе своей Исянь был человеком невозмутимым, склонным к созерцанию, и, разложив все по полочкам, почти успокоился. Он уже собирался съесть остывающую кашу, когда из внутренней комнаты донесся сухой кашель отца. Исянь спохватился: недавний шум наверняка разбудил старика.

— Исянь, ты здесь? — послышался глухой голос из спальни.

— Иду, отец, — отозвался Исянь.

Прихватив миску с бобовой кашей, он поспешил во внутренние покои.

Старый генерал проснулся давно и невольно подслушал весь разговор. Пусть он не до конца понимал суть размолвки, но по тону догадался: между императором, его сыном и Чун Даем завязался сложный узел отношений. Дождавшись, пока шаги Чун Дая стихнут, а в гостиной воцарится молчание, Фу Юаньтай немного подумал и только тогда позвал Исяня.

Накормив отца кашей, Фу Исянь осторожно коснулся его запястья, проверяя пульс. Опасения подтвердились: у отца обострились старые недуги, ослабло сердце.

Исянь распорядился приготовить согревающий кровь отвар и мягко успокоил старика:

— Ничего страшного, отец. Прежний лекарь просто не знал о твоих старых ранах, вот и выписал неподходящее средство. Примешь несколько чаш согревающего лекарства, и тебе сразу станет легче.

Фу Юаньтай, полулежа в постели, устало покачал головой:

— Я свое тело лучше знаю, так что не пытайся меня успокоить. Старая стреляная рана с каждым годом дает о себе знать все сильнее. Раньше я мучился только зимой, а теперь едва наступает осень, как в груди все сжимает, дышать тяжело. Порой просыпаюсь, а руки и ноги онемели. Разве помогут тут согревающие отвары?

— Почему же ты раньше мне ничего не говорил? — тихо упрекнул его Исянь.

— А когда говорить? — вздохнул старик. — В прежние годы ты дома почти не бывал, все скитался по Поднебесной. А я безвылазно сидел на заставе Медной Горы. Мы ведь почти не виделись. Я и сам не придавал этому значения, вот и не вспоминал при встречах.

Исянь бережно подоткнул отцу одеяло. Глядя на его седые виски и изборожденное морщинами лицо — ведь отцу шёл уже шестой десяток, — он тихо произнес:

— Отец, как только закончится война с бэйди, мы уедем отсюда.

— Куда же? — не понял Фу Юаньтай.

— В Цзяннань. В Сучжоу или Аньчжоу. Найдем тихое, теплое место, купим усадьбу и заживем спокойно, вдвоем.

Фу Юаньтай пристально посмотрел на него:

— А император отпустит тебя?

Этот вопрос больно ранил Исяня. Он замялся, не зная, что ответить. По его растерянному лицу старый генерал без труда обо всем догадался.

— Исянь, когда я был в твоих летах, меня только назначили командиром Доблестной кавалерии, — глухо заговорил Фу Юаньтай. — Я тогда мнил себя великим человеком, мечтал о подвигах. И правда: уничтожал разбойников в Дунсяне, усмирял мятеж в Ицзяо, прошел путь от простого офицера до великого генерала. Когда я вернулся после победы над южными пиратами, за моей спиной была половина отвоеванной империи. Я командовал тысячами воинов, вершил их судьбы, купался в лучах императорской милости. Тогда я думал: покончу с набегами и уеду с твоей матерью в глушь, заживем мирно. Но стоило мне вернуться в столицу, как покойный государь приказал мне держать оборону на заставе Медной Горы. В итоге твоя мать утасла, так и не дождавшись спокойных дней рядом с мужем.

Вспомнив покойную супругу, старый генерал умолк, в уголках его глаз блеснули слезы. Исянь поспешно достал платок и бережно осушил лицо отца. Тот глубоко вздохнул и спросил:

— Знаешь ли ты, почему я назвал тебя Юаньшань?

Исянь послушно покачал головой, ожидая продолжения.

— Ты родился, когда мне было тридцать семь, — продолжил Фу Юаньтай. — Я уже носил звание великого генерала, усмиряющего дальние земли, но каждый мой шаг определяли чужие приказы. Лишь тогда я понял, что слава и богатство — всего лишь золотые кандалы, которые не сравнятся с волей. Я не хотел для тебя такой судьбы. Мечтал, чтобы ты учился, путешествовал, наслаждался красотой гор и рек, рос свободным человеком. Отсюда и появилось твое имя — Юаньшань, «обнимающий далекие горы».

При упоминании имени Юаньшань сердце Исяня сжалось. Он невольно вспомнил Веер Мускуса и Орхидеи, подаренный Чун Даем, на котором тот когда-то с любовью вырезал: «Тысячи ли рек обнимают далекие горы». Оказывается, Чун Дай с самого начала понимал сокровенные чаяния его отца. Исянь неосознанно бросил взгляд в сторону гостиной.

Отец заметил этот взгляд, но промолчал, позволяя сыну побыть наедине со своими мыслями. Вскоре слуга принес отвар. Исянь принял чашу и принялся осторожно дуть на горячую жидкость, остужая ее. В комнате воцарилось молчание. Когда лекарство было выпито, Исянь помог отцу лечь. Надвигались сумерки, в комнате заметно похолодало. Чтобы уберечь больного от сквозняков, Исянь накрыл его плотным шерстяным одеялом. Убедившись, что отцу удобно, он поклонился, собираясь уходить. Но старик, приоткрыв глаза, негромко окликнул его:

— Исянь, ты с детства был сметливым мальчиком. Мать часто говорила, что у тебя чуткое, отзывчивое сердце. Понял ли ты то, о чем я говорил тебе сегодня?

— Сын все понял, — почтительно кивнул Исянь.

Фу Юаньтай тихо вздохнул:

— Будь твоя мать жива, она бы непременно отчитала меня. Она так не хотела, чтобы ты повторил мою судьбу... Исянь, помни: близость к государю опасна, словно соседство с тигром. Помыслы правителей непостижимы.

«Мне ли не знать, что близость к императору подобна близости к тигру? Но если бы Чун И был для меня только повелителем, все сложилось бы гораздо проще. Жаль, что об этом я никогда не смогу рассказать отцу».

— Я знаю это, отец, и буду предельно осмотрителен, — мягко ответил он вслух.

Фу Юаньтай покачал головой:

— Подойди ближе, сын.

Исянь подошел к постели. Отец высвободил руку из-под одеяла и крепко сжал его ладонь. Понимая, что сейчас прозвучит нечто важное, Исянь опустил на колени у изголовья. Старик удовлетворенно кивнул:

— Пообещай мне, Исянь: как только бэйди отступят, ты подашь в отставку и навсегда покинешь дворец.

Эти слова не удивили Исяня. Отец и раньше противился его службе при дворе. Однако теперь, после всего произошедшего за день, Исянь уловил в пристальном взгляде Фу Юаньтая какой-то скрытый, тревожный смысл.

«Неужели отец догадывается о наших отношениях с императором? Впрочем, какая разница. Даже без его расспросов я давно решил, что уеду, как только прогоним бэйди. С моим характером глупо надеяться на успешную карьеру при дворе».

С этой мыслью он твердо кивнул:

— Как только разобьем бэйди, я сложу полномочия. Мы уедем отсюда, найдем тихий уединенный уголок, и вы будете спокойно жить на покое.

Фу Юаньтай со слабой улыбкой погладил сына по голове:

— Все это ради тебя, Исянь. А что до меня... доживу ли я вообще до тех дней?

— Не говорите так, отец, — прервал его Исянь. — Завтра же я разыщу нужное лекарство.

Выйдя из комнаты отца, Фу Исянь поднял глаза к небу. Солнце клонилось к закату, окрашивая облака в багровые тона. Было необычайно красиво.

Он понимал, что должен нанести визит Чун Ю, а также разыскать Ван Юаньчэня, чтобы подготовить и отправить тайный доклад императору. Судя по обстановке на заставе Медной Горы, войска вот-вот выступят за её пределы. Но болезнь отца спутала все карты. Обычные согревающие отвары приносят лишь временное облегчение, а чтобы по-настоящему исцелить его изношенное сердце, требовалось редкое лекарство.

Но раздобыть такое снадобье на границе было почти невозможно. Придется просить евнуха Вана поискать его в императорских кладовых.

Пока отец не пойдет на поправку, армия не сможет выступить в поход, а значит, и война с бэйди затянется. Исянь не имел права покидать заставу Медной Горы. Мешкать было нельзя — следовало немедленно отправиться к Чун Ю, чтобы доложить о ситуации и обсудить дальнейшие действия.

Он уже сделал шаг к выходу, как вдруг раздался тихий свист, и мелкий камешек чувствительно ударил его по лодыжке. Исянь сам владел боевыми искусствами, и обычно никто не мог подойти к нему незамеченным. Однако этот бросок был настолько стремительным и бесшумным, что он даже не успел уклониться. Проследив, откуда прилетел камешек, Исянь поднял голову и замер. На черепичной крыше бокового флигеля, вольготно устроившись, сидел человек.

Ярко-персиковый халат гостя смотрелся нелепым, вызывающим пятном на фоне серой черепицы. В руке он лениво подбрасывал еще один голыш.

Исянь невольно улыбнулся:

— Ты как здесь оказался?

<http://bllate.org/book/19874/2041876>